

Лесевицкий Алексей Владимирович

ЕВРАЗИЙСКИЕ СЕНТЕНЦИИ В "ДНЕВНИКЕ ПИСАТЕЛЯ" Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

Автор статьи позиционирует Ф. М. Достоевского как одного из главных представителей предъевразийства XIX века. Данная гипотеза обусловлена пристальным вниманием литератора к азиатским (туранским) истокам нашего полинационального государства, вобравшего в себя многоцветие культур различных этносов, проживающих в единой русской цивилизации. Пристальное внимание автор статьи уделяет проблеме межрелигиозного взаимодействия народов в размышлениях Ф. М. Достоевского.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2015/5-1/28.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 5 (55): в 2-х ч. Ч. I. С. 107-110. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2015/5-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

LANGUAGE OF COSTUME AS A MULTIFUNCTIONAL PHENOMENON

Lazutina Tat'yana Vladimirovna, Doctor in Philosophy, Associate Professor
Lazutin Nikolai Konstantinovich
Tyumen State Oil and Gas University
LazutinaTV@yandex.ru; Kpw72@yandex.ru

The paper within the framework of the philosophy of design examines costume and its language in semiotic aspect. The conception of the research is determined by the interpretation of the language of costume as a multifunctional phenomenon. Analyzing the history of costume the authors conclude that its language performs informative and communicative, esthetic, expressive, social, ritual and applied, ideological, educational, culture-saving, semiotic, axiological, suggestive functions. The dominant function of the language of costume is informative and communicative.

Key words and phrases: costume; design; language of costume; art; semiotic aspect.

УДК 316.6

Философские науки

Автор статьи позиционирует Ф. М. Достоевского как одного из главных представителей предъевразийства XIX века. Данная гипотеза обусловлена пристальным вниманием литератора к азиатским (туранским) истокам нашего полинационального государства, вобравшего в себя многоцветие культур различных этносов, проживающих в единой русской цивилизации. Пристальное внимание автор статьи уделяет проблеме межрелигиозного взаимодействия народов в размышлениях Ф. М. Достоевского.

Ключевые слова и фразы: противостояние с Европой; геополитический разворот; православие; буддизм; ислам; обретение идентичности.

Лесевицкий Алексей Владимирович

Пермский финансово-экономический колледж (филиал)
Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
lesev100@mail.ru

ЕВРАЗИЙСКИЕ СЕНТЕНЦИИ В «ДНЕВНИКЕ ПИСАТЕЛЯ» Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО[©]

Некоторые исследователи творчества Достоевского сближают сентенции его «Дневника писателя» с идеологией славянофилов [1]. Но нам представляется, что политические идеи литератора более близки евразийству, – течению, которое, с одной стороны, связано с идеологией славянофилов, с другой, – образует сугубо аутентичную систему этнополитических взглядов.

В историографии есть утверждение, будто евразийцы – это наследники и правопреемники С. Т. Аксакова, А. С. Хомякова, И. В. Киреевского [5, с. 176]. С одной стороны, это действительно разумное утверждение, подтвержденное многими представителями евразийской мысли. Например, П. Н. Савицкий писал: «Такие “пролагатели путей” евразийства, как Гоголь или Достоевский, но также иные славянофилы и примыкающие к ним, как Хомяков, Леонтьев и прочие, подавляют нынешних евразийцев масштабами исторических своих фигур» [10, с. 656]. Но в чем заключается в таком случае особенность евразийства? Не логично ли будет позиционировать Достоевского как славянофила с элементами «почвенной идеологии»?

Более того, нам представляется, что русский писатель был одним из немногих мыслителей XIX века (наряду с В. И. Ламанским и Н. Я. Данилевским), утверждающим, что в русской цивилизации экзотическим образом переплетаются европейские и азиатские черты [7; 8]. В данном смысле Россия – цивилизация, имеющая полиэтничную сущность, а русская империя есть великая симфония многих самобытных народов, делающих свой вклад в строительство единой многонациональной Державы [9]. Общеизвестно, что славянофилы обошли вниманием «азиатские черты» русского человека. В контексте наших рассуждений крайне любопытно рассмотреть статью Достоевского «Геок-Тепе. Что такое для нас Азия?».

Русская прозападная интеллигенция всегда считала Россию лишь частью Европы, ее размышления и заботы касались только европейской части страны. Мыслители, ориентированные на Запад, не учитывали «восточно-азиатские территории» империи, например, о Сибири и Дальнем Востоке они или вовсе не рассуждали, или говорили в смысле избавления и отчуждения данных «этнических окраин» от центральной части страны. Для Достоевского подобные идеи граничили со слабоумием или недалечностью: «Да и вообще вся наша русская Азия, включая и Сибирь, для России всё еще как будто существуют в виде какого-то привеска, которым как бы вовсе даже и не хочет европейская наша Россия интересоваться. “Мы, дескать, Европа, что нам делать в Азии?”. Бывали даже и очень резкие голоса: “Уж эта наша Азия, мы и в Европе-то не можем себе порядка добыть и устроиться, а тут еще суют нам и Азию. Лишняя вовсе нам эта Азия, хоть бы ее куда-нибудь деть!”. Эти суждения иногда и теперь раздаются у умников наших, от очень их большого ума, конечно» [4, с. 32].

Вопрос об «окраинах империи» – важнейший и актуальнейший. Нам кажется, что рассуждения Достоевского на порядок богаче анализом и стратегическими планами, чем многие идеи славянофилов. Россия есть многонациональная страна с полиэтнической и полирелигиозной сущностью, и ограничиваться лишь «центральной (православной)» частью империи крайне неблагоприятно. Как позиционировать в таком случае буддистские и мусульманские диаспоры, причислим ли мы их к важнейшей части русской цивилизации? Гениальность Достоевского заключается в том, что он глубже многих современников осознал эту опасность невнимания к «азиатским и исламским» территориям русской империи: «Потому необходимость, что Россия не в одной только Европе, но и в Азии; потому что русский не только европеец, но и азиат. Мало того: в Азии, может быть, еще больше наших надежд, чем в Европе. Мало того: в грядущих судьбах наших, может быть, Азия-то и есть наш главный исход!» [Там же, с. 33].

Достоевский задолго до основных исследований евразийцев настаивал на том, что русский человек не только европеец, но и в большей степени азиат. Расселение русского народа осуществлялось в направлении Евразии, этносы, строящие единое и централизованное государство, взаимодействовали друг с другом. В своем исследовании «О туранском элементе в русской культуре» Н. С. Трубецкой, буквально вторя Достоевскому, писал о том, что русский народ имеет полиэтническую сущность, быть русским – это значит быть и отчасти туранцем (азиатом). Более того, это межцивилизационное этническое взаимодействие и взаимообщение порождало специфическую культуру русской цивилизации, а движение на Восток – один из основополагающих элементов динамики отечественной колонизации: «Распространение русских на Восток было связано с обрусением целого ряда туранских племен, сожительство русских с туранцами проходит красной нитью через всю русскую историю. Если сопряжение восточного славянства с туранством есть основной факт русской истории, если трудно найти великоросса, в жилах которого так или иначе не текла бы туранская кровь, и если та же туранская кровь (от древних степных кочевников) в значительной мере течет и в жилах малороссов, то совершенно ясно, что для правильного национального самопознания нам, русским, необходимо учитывать наличие в нас туранского элемента, необходимо изучать наших туранских братьев» [11, с. 136-137].

Писатель был вынужден по вине кредиторов много лет прожить в Европе и подметил довольно специфическое отношение представителей данной цивилизации к русским людям. Достоевский констатирует, что в западном мире русских не считают за европейцев, а скорее видят в них азиатов, которыми, по меткому замечанию литератора, мы никогда не переставали быть. Западная цивилизация транслирует идеологию, от которой очень трудно отказаться, но народы, пораженные «духом Запада», испытывают мощнейший комплекс неполноценности, «многовековой отсталости» от созерцаемого эталона. Достоевский предлагает совершить геополитический разворот в сторону стран Востока, осознать, что Россия – не только европейская страна, избавиться от комплекса неполноценности перед западным миром. Пытаясь интегрироваться в европейское геополитическое пространство, Россия незаметно для себя утратила духовную самобытность и самостоятельность, существовала в форме лакейского подчинения и принижения. Причем зависимость от Запада коснулась не только духовной сферы, но и сферы идеологии и даже финансов, экономики: «Этот ошибочный стыд наш, этот ошибочный наш взгляд на себя единственно как только на европейцев, а не азиатов (каковыми мы никогда не переставали пребывать), – этот стыд и этот ошибочный взгляд дорого, очень дорого стоили нам в эти два века, и мы поплатились за него и утратою духовной самостоятельности нашей, и неудачной европейской политикой нашей, и, наконец, деньгами, деньгами, которых бог знает сколько ушло у нас на то, чтобы доказать Европе, что мы только европейцы, а не азиаты» [4, с. 33].

В данной статье Достоевского сквозит некоторая обида на Европу в том контексте, что Россия сделала гораздо больше для данного геополитического субъекта, чем Запад для русской цивилизации. Прежде всего, Россия неоднократно была спасителем Европы, не жалея собственных сил предлагала руку помощи по первому требованию западной цивилизации. Именно Россия остановила нашествие монголов, именно русская цивилизация спасла Европу от надгосударственной диктатуры Наполеона. А что получили в ответ? В ответ наличествовали интриги, желание окружить Россию государствами-недоброжелателями, приобрели финансовую и идеологическую зависимость, т.е. подчинение «духу Запада». Кроме того, писатель утверждает, что Европа продолжает мечтать о захвате России: «И вот – не они ли, напротив, выходили к нам в тыл, когда нам угрожала беда, или грозили выйти нам в тыл, когда нам грозила другая беда? Кончилось тем, что теперь всякий-то в Европе, всякий там образ и язык держит у себя за пазухой давно уже припасенный на нас камень и ждет только первого столкновения. Вот что мы выиграла в Европе, столь ей служа? Одну ее ненависть! Мы сыграли там роль Репетилова, который, гоняясь за фортуной, “приданого взял шиш, по службе ничего”» [Там же, с. 34].

Либералы отвергали идею особого исторического пути развития России и утверждали, что, только столетиями участь у Европы, можно было надеяться на наступление мифической эпохи процветания и благоденствия. Однако писателя не устраивала идея духовного порабощения и лакейства. Россия способна на самостоятельное автаркийное развитие, и подобной самостоятельности крайне боятся на Западе, т.к. чувствуют дремлющую мощь сосредотачивающейся русской цивилизации: «И это несмотря на то, что наши “русские европейцы” изо всех сил уверяют Европу, что у нас нет никакой идеи, да и впредь быть не может, что Россия и не способна иметь идею, а способна лишь подражать, что дело тем и кончится, что мы всё будем подражать и что мы вовсе не азиаты, не варвары, а совсем, совсем как они, европейцы» [Там же].

Для того чтобы стать духовно самостоятельными, т.е. «отвернуться от окна в Европу», русская интеллигенция должна устремить свой взор на саму Россию, окинуть взглядом ее огромные территории. Нужно осознать, что огромная часть империи расположена в Азии, а Россия есть симбиоз и многоцветие многих народов,

вместе создающих и укрепляющих единую полирелигиозную и многоэтническую Державу. Более того, именно осознание «азиатских истоков» русского дома в будущем может спасти Россию от лакейской зависимости от Европы. По мнению писателя, мы не должны отчуждать свои окраины. Мир великой исламской культуры, великий буддистский мир – это, безусловно, важнейшая часть русского имперского сознания, вбирающего в себя полирелигиозность и мультикультурность цивилизации. Будущее России для Достоевского не в декадентской Европе, а в пробудившейся от сна Азии. Россия должна быть в авангарде стран, обретающих свою культурную и геополитическую идентичность, обрести себя – это значит отречься от «духа Запада», вступить на путь цивилизационной альтернативности развития: «А между тем Азия – да ведь это и впрямь может быть наш исход в нашем будущем, – опять восклицаю это! И если бы совершилось у нас хоть отчасти усвоение этой идеи – о, какой бы корень был тогда оздоровлен! Азия, азиатская наша Россия, – ведь это тоже наш больной корень, который не то что освежить, а совсем воскресить и пересоздать надо!» [Там же, с. 35-36].

Гениальность – это способность личности предсказывать будущее, неслучайно Достоевского чрезвычайно справедливо нарекли «русским пророком». В контексте евразийских рассуждений Достоевский предлагает экономический проект развития Сибири, для того чтобы данные территории не достались нашим геополитическим конкурентам – Европе и Америке. Для освоения сибирских территорий писатель предлагает окутать их сетью железных дорог: данный факт будет способствовать более крепкой интеграции регионов России. Россия не просто должна построить железные дороги в Сибирь, но и реализовать определенную культурную и просветительскую миссию. Бесчисленные малые народы Сибири получают возможность приобщиться к цивилизации, усвоят общегуманистические ценности. Россия принесет в Сибирь и на Дальний Восток свет прогресса. Но главное будет заключаться в том, что малые народы не будут лишены своего культурного своеобразия, интеграция этносов русской цивилизации была основана не на цивилизационном подавлении, а на братском отношении к другим культурам. Противоположным образом ассимилировались народы, составившие западную цивилизацию. Романо-германские этносы не стеснялись подавлять другие культуры, считая их варварскими и лишёнными ценности. Методология деструкции других народов была проста: элита ассимилированных этносов полностью уничтожалась физически, как и часть всех недовольных, а затем наступал этап принудительного обращения в католицизм или протестантизм (в зависимости от исторической эпохи). В русской колониальной политике не было столь жестоких этапов нациостроительства. И. Ильин, буквально вторя Достоевскому, пишет: «Сколько малых племен Россия получила в истории, столько она и соблюла. Она выделяла, правда, верхние слои присоединенных племен, но лишь для того, чтобы включить их в свой имперский верхний слой. Ни принудительным крещением, ни искоренением, ни всеуравнивающим обрусением она никогда не занималась» [6, с. 260].

Достоевский настаивает на том, что в русском православном народе нет предвзятого отношения к представителям других вероисповеданий. Более того, представители мусульманской веры являются равноправными братьями православных, Россия – страна, в которой процесс колонизации и освоения территорий был в достаточно большой степени гуманистическим (менее кровавым, чем в Европе), к представителям других вероисповеданий русские нередко относились с почтением и уважением. Сам Достоевский в «Дневнике писателя» так освещает процесс собирания великой Евразийской территории: «Татары, бывшие мучители земли русской, на этой земле пришлецы. Но, умирив их, отвоевав у них назад свою землю и завоевав их самих, русские не отомстили татарину за двухвековое мучительство, не унизили его, подобно как мусульманин-турка измучил и унизил райю, ничем и прежде его не обидевшего, – а, напротив, дал ему с собой такое полное гражданское равноправие, которого вы, может быть, не встретите в самых цивилизованных землях столь просвещенного, по-вашему, Запада. Даже, может быть, русский мусульманин пользовался иногда и высшими льготами против самого русского, против самого владельца и хозяина русской земли... Веру татарина никогда тоже не унижал русский, никогда не притеснял и не гнал, и – поверьте, что нигде на Западе и даже в целом мире не найдете вы такой широкой, такой гуманной веротерпимости, как в душе настоящего русского человека» [2, с. 220].

Россия, по мнению Достоевского, должна быть изолирована от Европы, прежде всего, духовно, т.к. именно через сегмент идеологии Запад колонизирует государство. Для Достоевского очевиден тот факт, что необходимо ограничить допуск иностранных компаний на внутренний рынок, целесообразно запретить отчуждение земли европейским предпринимателям. Россия как автаркийная цивилизация должна использовать свои богатейшие земли для собственного процветания, для благоденствия многочисленных этносов, населяющих огромные пространства страны. Уже после смерти Достоевского Н. С. Трубецкой в своем исследовании «Мысли об автаркии», буквально повторяя публицистику писателя, отметит: «Надо доказать, что основной плюс автаркии – ее неизменность, гарантирующая мирное сожительство внутри и вовне, возможна лишь при том условии, если области, объединенные в особый мир, спаяны друг с другом не только экономикой, но историей (общностью судьбы), цивилизацией, национальными особенностями и национальным равновесием (чтобы не было белого мастера и черного раба)» [11, с. 516]. Единой судьбой спаяны центральные регионы России и Сибирь, а также Дальний Восток и Кавказ, т.к. они являются элементами гомогенной (общей) русской цивилизации.

Таким образом, Достоевского мы можем позиционировать как одного из ярчайших представителей евразийства XIX века. Практически впервые в истории отечественной мысли литератор писал о достаточно фундаментальном туранском элементе как составной части русской культуры. Критикуя англоманов из либеральной политической элиты русского общества, Достоевский видел в русском человеке не только европейца, но и в гораздо большей степени азиата. Он настаивал на том, что для устойчивого развития русской цивилизации необходимо обратить внимание на великую исламскую и буддистскую культуры, которые внесли свой неопределимый вклад в формирование русского полиэтнического сознания.

Список литературы

1. Гуральник У. А. Достоевский, славянофилы и «почвенничество» // Достоевский – художник и мыслитель: сборник статей. М.: Художественная литература, 1972. С. 427-462.
2. Достоевский Ф. М. Дневник писателя. СПб.: Азбука-классика, 1999. 529 с.
3. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30-ти т. Л.: Наука, 1984. Т. 26. 518 с.
4. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30-ти т. Л.: Наука, 1984. Т. 27. 463 с.
5. Зжу Чуньмин. Славянофильство и евразийство: два возможных проекта переустройства кольца русской цивилизации // Век глобализации. 2014. № 2. С. 175-183.
6. Ильин И. Что сулит миру расчленение России // Из истории русской гуманистической мысли. М.: Просвещение, 1999. С. 257-267.
7. Лесевицкий А. В. Ф. М. Достоевский как предшественник евразийства. Пермь: ОТ и ДО, 2012. 171 с.
8. Лушников О. В. Евразийская идея и ее критики // Актуальные вопросы современной науки. 2008. № 1. С. 17-28.
9. Лушников О. В. Монгольская империя в историографии XVIII-XX веков. Казань: Фэн, 2009. 115 с.
10. Савицкий П. Н. Евразийство // Классика геополитики XX век. М.: АСТ, 2003. С. 655-677.
11. Трубецкой Н. С. Наследие Чингисхана. М.: Аграф, 1999. 560 с.

EURASIAN MAXIMS IN “A WRITER’S DIARY” BY F. M. DOSTOYEVSKY

Lesevitskii Aleksei Vladimirovich

Perm College of Economics and Finance (Branch) of Financial University under the Government of the Russian Federation
 lesev100@mail.ru

According to the author, F. M. Dostoyevsky is one of the major representatives of pre-Eurasianism of the XIX century. This hypothesis is conditioned by the close attention of the writer to the Asian (Turan) origins of our multinational state, which absorbed the multicolored cultures of different ethnic groups living in the integrated Russian civilization. The author pays special attention to the problem of the inter-confessional interaction of nations as it is represented in the speculations of F. M. Dostoyevsky.

Key words and phrases: confrontation with Europe; geopolitical turn; Orthodoxy; Buddhism; Islam; acquiring identity.

УДК 008

Культурология

В статье реклама рассматривается как сложное и многогранное явление современного общества. Культурологический подход к рекламе позволил выявить ее тесную связь с массовой культурой и раскрыть такие ее функции как информационная, защитная, социальная, идеологическая и эстетическая. Автор приходит к выводу о том, что реклама является не только средством психологической защиты от информационных перегрузок, но и мощным инструментом манипуляции массовым сознанием. В ней иллюзорный процесс одаривания сопровождается процессом подавления. Воздействие рекламы на сознание потребителей во многом объясняется заложенными в ней архетипами «коллективного бессознательного».

Ключевые слова и фразы: информационное общество; социальная дифференциация; рекламные слоганы; архетипические образы; национальные архетипы; рекламное обращение; массмедиа.

Литвинцева Галина Юрьевна, к. пед. н., доцент

Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусств
 galinalitvinceva@yandex.ru

РЕКЛАМА КАК НАПРАВЛЕНИЕ МАССОВОЙ КУЛЬТУРЫ[©]

В современном обществе реклама представляет собой сложное и многогранное явление, что подтверждается существованием значительного количества исследований как зарубежных, так и отечественных авторов. К настоящему времени сложились различные теоретические подходы к ее осмыслению, среди которых можно выделить маркетинговый и культурологический.

В рамках маркетингового подхода, реклама рассматривается как одно из основных средств маркетинговых коммуникаций по продвижению товаров и услуг. В информационном обществе реклама выступает не только как инструмент маркетинга и ее значимость не ограничивается только сферой бизнеса. Культурологический подход к рекламе предполагает ее рассмотрение в системе массовой культуры, которая играет определяющую роль в современной культуре.

Российский исследователь А. Я. Флиер делает акцент на особом месте массовой культуры в условиях перехода от индустриального к постиндустриальному этапу технологического развития. Она фактически принимает на себя функции «инструмента первичной социализации личности в условиях национального общества со стертыми сословно-классовыми границами» [12, с. 390].